

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В. А. Гуторов

МАКС ВЕБЕР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Одним из истоков «веберовского ренессанса», возникшего в Западной Европе несколько десятилетий назад, стал интерес к той чрезвычайно глубокой по своему содержанию трактовке феномена социализма, которая проходит через многие труды и политическую публицистику выдающегося немецкого социолога. Многие ее аспекты до сих пор актуальны и вызывают многочисленные споры.

В принципе такая ситуация вполне объяснима и не может вызывать особого удивления, поскольку веберовская концепция социализма складывалась в ходе дискуссии, развернувшейся в конце XIX в. в интеллектуальных кругах Германии под влиянием быстрых и неоспоримых успехов социал-демократов, тогда еще прочно стоявших на платформе классического марксизма. В известном смысле веберовская речь о социализме, прочитанная летом 1918 г. австрийским офицерам в Вене, является итогом этой чрезвычайно поучительной дискуссии.

До начала 1990-х гг. в отечественной научной литературе, как и в литературе других бывших социалистических стран, работы М. Вебера, посвященные этому вопросу, или обходились молчалием, или же подвергались разгромной критике [1, с. 5; 2; 3]. Например, насколько мне известно, российский массовый читатель смог впервые частично познакомиться с веберовской речью о социализме только из появившегося в 1981 г. русского перевода книги британского марксиста Д. Льюиса, посвященной марксистской критике взглядов М. Вебера, которой было предпослано столь же критическое предисловие А. Г. Здравомыслова [4, с. 7, 146].

Такое отношение к веберовскому наследию, помимо известной традиции идеологического противопоставления «буржуазного» и «марксистского» мировоззрений, имело также вполне прагматическую психологическую основу: разработанная немецким ученым методология почти мгновенно позволяла выявить ахиллесову пяту «реального социализма» — резкое усиление под влиянием внутренних и внешних обстоятельств иррациональных моментов в развитии бюрократического управления, не говоря уже о том, что она могла составить опасную конкуренцию рассмотрению проблемы бюрократии в рамках классических марксистских текстов — от марксовской «Критики гегелевской философии права» до последних ленинских писем. Чтобы этого избежать, естественно,

Гуторов Владимир Александрович (р. 1950) — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Тел.: (812) 328-9794. E-mail: gutorov@dean.philos.lgu.spb.su

было необходимо усиливать противопоставление Маркса Веберу, изображая последнего как «буржуазного Маркса», «анти-Маркса» и т.п.

По-видимому, такого рода стереотипы были причиной того, что речь о социализме, при всей ее актуальности, не была включена в первый крупный, изданный по-русски, сборник веберовских работ, появившийся в 1990 г.

Инерция такой критики сказалась и при выходе первого русского перевода речи в начале 1991 г. в «Вестнике Московского университета». Тогдашняя редакция журнала не только снабдила предисловие переводчика собственными «критическими пояснениями», сводящимися к тому, что «далеко не все можно принять в веберовской оценке социализма» [5, с. 40], но и сочла возможным, не обращая внимания на оригинал, внести «критические поправки» в сам текст перевода, вычеркивая отдельные слова и «смягчая» некоторые веберовские выражения. Именно последнее обстоятельство делает необходимым переиздание перевода в первоначальном виде, хотя следует признать, что его выход в свет в начале 1990-х гг. уже не мог повлиять на характер дискуссии о перспективах социализма в СССР, развернувшейся с началом «перестройки». Новая политическая элита выбрала совсем другой путь, сделав, на первый взгляд, неактуальными все прежние споры.

Самому М. Веберу этот небольшой доклад о социализме, по трагической случайности оказавшийся последним текстом, посвященным теоретическому анализу данной проблемы, представлялся только началом новой серии теоретических разработок в рамках большого семестрового курса о социализме, который он намеревался прочесть в Мюнхенском университете, вернувшись после долгого перерыва к преподавательской деятельности. Характер этой работы позволяет с большой степенью уверенности утверждать, что в конце жизни у него не только сложилась вполне определенная концепция современного социализма, но и ясное представление о том, какую роль в его формировании играло марксистское учение.

При всем многообразии и постоянстве обсуждения проблемы отношения Вебера к марксистской традиции [6; 7], она, по всей вероятности, никогда не сможет быть разрешена окончательно. В этом смысле обсуждение любой из веберовских гипотез, так или иначе связанных с трактовкой работ Маркса, ждет судьба бесконечного спора, продолжающегося вокруг вопроса о научной и идейной направленности знаменитой «Протестантской этики». Например, Т. Парсонсу она представлялась «опровержением Маркса» [8, р. 40; 9]. Напротив, один из друзей Вебера Г. фон Шульце-Геверниц имел не меньшее право полагать, что в этой работе «Макс Вебер развивает дальше центральные идеи марксистской теоретической конструкции (Lehrgebäude). Он присоединяется к Марксу там, где он описывает дух капитализма, но отвергает односторонность марксовской теории, являющейся наследницей гегелевской диалектики» [10, S. XV].

В настоящее время многие ученые разделяют точку зрения, согласно которой отношение Вебера к Марксу и его учению было самым что ни на есть серьезным, и большинство его выводов, особенно сделанных в связи с обсуждением проблемы происхождения капитализма и западной цивилизации, могут свидетельствовать не о противоположности их взглядов, но, скорее, об их взаимодополнительности [11, S. 102]. На примере речи о социализме мы предоставляем читателю самому судить о том, насколько справедливыми являются столь

распространенные в недавнем прошлом в марксистской литературе утверждения о том, что «Вебер изучал марксизм главным образом по работам Каутского..., а позднее по книге "Современный капитализм" (основательному изложению "Капитала") В. Зомбарта» и поэтому «оказался не в состоянии постичь концепцию развития общества через его последовательные фазы из-за ошибочной философской позиции» [1, с. 181; 4, с. 144, 146].

Анализ веберовских работ, посвященных проблеме социализма, напротив, свидетельствует не только о хорошем знакомстве с классическими марксистскими текстами, но и о научном характере и направленности их критики. Например, как и Маркс, Вебер признавал всю важность и необходимость духовной и социальной эмансипации рабочего класса, понимая ее, однако, иначе, чем руководители современной ему германской социал-демократии, которые, по его замечанию, «не терпят свободы мысли, продолжая штемпелевать в головах массы раздробленную систему Маркса в качестве догмы» и «свободы совести, являющейся для них только фразой, о чем может сообщить любой берлинский городской миссионер» [12, S. 26].

Вебер был убежден в том, что предпосылки такого подхода к основополагающим ценностям европейской культуры коренятся в профетических, эсхатологических элементах марксистской мысли, ядром которых является утопия «пролетарской диктатуры», сформировавшаяся в ранних работах Маркса и Энгельса, начиная с «Коммунистического манифеста».

Вместе с тем, отвергая любую форму революционного утопизма, неизбежно связанного с идеей классового и группового насилия, Вебер никогда не утверждал, что социализм как тенденция экономического и политического развития является утопичным и поэтому неосуществимым. Об этом наглядно свидетельствует и его венская лекция. Ее своеобразный итоговый характер проявляется в многообразии затронутых в ней сюжетов и нюансов аргументации. Их анализ, естественно, выходит за рамки данного краткого предисловия. Представляется принципиально важным выделить лишь те ее моменты, которые, будучи теснейшим образом связанными с общей веберовской методологией социального анализа, не выделяются, однако, автором специально.

Фундаментальной является сама мысль Вебера о том, что «социализм самых различных типов существовал повсюду на земле в любой период и в любой стране» [13, с. 26]. В этом положении весьма отчетливо отразился специфический характер дискуссии о формах социализма в немецкой научной литературе. Ее своеобразным итогом было опубликование в 1893 г. книги Р. Пёльмана об античном социализме, в которой тема параллелизма в развитии социалистических идей в классической древности и в современной Западной Европе была центральной [14]. При всех допущенных Пёльманом преувеличениях, представленный им материал позволил в дальнейшем сопоставить два явления, возникшие в античный период и уже тогда вступившие в соприкосновение. Речь идет о тенденции к формированию административно-бюрократической системы, основанной на огосударствлении экономики. Основные элементы такой системы сложились еще в древней Месопотамии, где шумерские цари III династии Ура сконцентрировали большую часть всей экономической деятельности в рамках единого бюрократического хозяйственного комплекса [15, с. 267–280; 16, с. 24–28]. Но еще дальше в этом направлении пошли македонские цари

Египта из династии Птолемеев, создавшие экономическую систему, в некоторых своих чертах напоминавшую систему, созданную в СССР Сталиным [16, с. 27–28]. На основе идеализации древневосточных монархий в античный период формировались разнообразные утопические концепции общественного устройства, в основе которых лежал принцип строжайшей иерархии и руководства обществом со стороны просвещенной элиты [17].

Во многом под влиянием античной утопической литературы мыслителями эпохи Возрождения и нового времени создавались коммунистические проекты, формировавшие своеобразный интеллектуальный климат и литературную традицию, которые оказывали воздействие на идеологию европейского рабочего движения, а в дальнейшем и на марксистскую концепцию социализма.

В работах М. Вебера мы не находим, однако, отчетливо выраженного стремления сформулировать «идеальный тип» социализма на основе синтеза древних и новейших его версий, хотя, на первый взгляд, такое стремление должно было непосредственно определяться исходными принципами веберовской методологии. Тем не менее в качестве предпосылки создания такого «идеального типа» можно рассматривать веберовский комплекс идей, сконцентрированных на проблемах происхождения, эволюции и исторических перспектив современной бюрократии.

В этом плане особенно замечательным представляется анализ Вебером тех изменений, которые произошли в США с того времени, когда А. де Токвиль в книге «О демократии в Америке» описывал политическую систему и образ жизни этой страны именно в качестве эпохальной альтернативы централизованным бюрократическим формам господства, сложившимся в Западной Европе в результате эволюции и трансформации раннефеодальных структур. Рост американской бюрократии как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов, безусловно, превращал в глазах Вебера сделанные Токвилем выводы в достояние истории, подтверждая его собственную гипотезу, согласно которой всеобщая бюрократизация, основанная на усиливающемся развитии рационального характера производства и социальной жизни, является исторической судьбой современной цивилизации, независимо от тех социально-политических форм, которыми она представлена.

Такого рода пессимистический вывод был одновременно направлен и против основного марксистского положения, в соответствии с которым социалистические производственные отношения не могут возникнуть внутри капиталистического строя. В его глазах социализм как общественная практика и тенденция политической мысли был лишь полным завершением той тенденции к всеобщей бюрократизации, которая складывается именно внутри современного капитализма. Победа социализма, следовательно, означала бы только победу иррациональной государственной бюрократии над более рациональной частнокапиталистической.

Речь таким образом идет о двух тенденциях в рамках современного индустриального общества. По мысли Вебера, победа социалистически ориентированной государственной бюрократии в политическом плане означала бы установление авторитарной диктатуры, что и подтвердил опыт Октябрьской революции в России. «Всякая борьба с государственной бюрократией бесперспективна потому, — отмечал он, — что нельзя призвать на помощь ни одной принципи-

ально направленной против нее и ее власти инстанции. Государственная бюрократия, если уничтожить частный капитализм, господствовала бы одна. Действующие в настоящее время наряду друг с другом и в меру своих возможностей друг против друга, следовательно, постоянно держащие друг друга под угрозой частная и общественная бюрократия слились бы тогда в единую иерархию. Подобно тому, как это было в Египте древних времен, только в несравненно более рациональной, а потому неотвратимой форме» [1, с. 163; 18, S. 151].

Эти выводы были полностью подтверждены опытом всех тоталитарных диктатур XX в. Можем ли мы, однако, считать, что распад тоталитарных систем в конце этого столетия также превратил веберовский анализ феномена социализма в достояние истории? Очевидно, нет. Социализм как политическое движение и форма социальной критики, независимо от его экономического содержания и политических последствий, возник и в дальнейшем определялся поисками исторических альтернатив тем эксцессам, которые были характерны как для эпохи «первоначального накопления», столь ярко описанной Марксом в «Капитале», так и для более поздних этапов рационализации капиталистического производства и форм социальной жизни.

Происшедшая недавно трансформация социалистической системы на территории бывшего СССР и в странах Центральной и Восточной Европы, возврат этих стран на капиталистический путь развития выявили, наряду с развитием политической демократии, новые формы бюрократизации, не имевшие аналогов в прошлом и породившие новый феномен, который был назван современными учеными «бюрократической антиполитикой» [19; 20]. Новое экономическое и политическое пространство, поспешно названное «постсоциалистическим», возможно, еще даст рождение новым социальным экспериментам, в которых социалистическая составляющая будет играть далеко не традиционную роль.

Теория М. Вебера, в рамках которой социализм всегда рассматривался в качестве постоянного фактора развития современной цивилизации, во всяком случае, не дает никаких оснований для вывода о том, что этот фактор станет менее значимым в будущем.

Литература

1. Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.
2. Здравомыслов А. Г. Предисловие // Ожиганов Э. Н. Политическая теория Макса Вебера: Социология господства, государства и права. Рига, 1986.
3. Weiß J. Das Werk Max Webers in der marxistischen Rezeption und Kritik. Opladen, 1981 (англ. перевод: Weber and the Marxist World. London, 1986).
4. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М., 1981.
5. Гуторов В. А. Макс Вебер и социализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Социально-политические исследования. 1991. № 2.
6. A Weber — Marx Dialogue / Ed. by R. Antonio, R. Glassmann. Lawrence, 1985.
7. Böckler S., Weiß J. Marx oder Weber? Zur Aktualisierung einer Kontroverse. Opladen, 1987.
8. Parsons T. Capitalism in Recent German Literature // Journal of Political Economy. 1929. № 37.
9. Parsons T. The Structure of Social Action. New York, 1949. passim.
10. Schulze-Gävernitz G. von. Max Weber als Nationalökonom und Politiker // Erinnerungsgabe für Max Weber / Hrsg. von M. Palyi. Bd. 1. München; Leipzig, 1923.

11. Max Weber. Ein Symposion / Hrsg. von Chr. Gneuss und J. Kocka. München, 1988.
12. Weber M. Zur Gründung einer national-sozialen Partei // Weber M. Gesammelte Politische Schriften / Hrsg. von J. Winckelmann. Tübingen, 1988.
13. Настоящее издание.
14. Pöhlmann R. von. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, 3. Aufl. / Hrsg. von Fr. Oertel. Bd. I—II. München, 1925.
15. История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М., 1983.
16. Зайцев А. И. Дискуссии о социализме в античности // Античность и современность: Доклады конференции ассоциации антиковедов. Москва 30 октября—2 ноября 1989 г. М., 1991.
17. Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.
18. Weber M. Gesammelte Politische Schriften. Tübingen, 1921
19. Mänicke-Gyöngyösi K. Konstituierung des Politischen als Einlösung der «Zivilgesellschaft» in Osteuropa? // Der Umbruch in Osteuropa als Herausforderung für die Philosophie. Dem Gedenken an Rene Ahlberg gewidmet. Peter Lang, 1995.
20. Tatur M. «Politik» im Transformationsprozeß: Aspekte des politischen Diskurses in Polen 1989–1992 // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa: In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9. Peter Lang, 1996.